

IV

КУЛЬТУРА И НАРОД НАКАНУНЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Начавшийся с конца XI в. распад Киевского государства был связан с ростом его отдельных частей, с развитием производительных сил на местах, с образованием новых областных центров, городов, с подъемом активности городских масс населения. Этот процесс политического дробления Киевского государства и роста областных центров имел первостепенное значение в интенсивном культурном развитии Руси XII и начала XIII вв. Русская культура, которая в эпоху расцвета «империи Рюриковичей» была по преимуществу культурой Киева, с конца XI в. дробится и концентрируется вокруг многочисленных культурных областных гнезд: Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Владимира-Волынского, Галича, Ростова, Суздаля, Владимира Залесского и др. Все эти областные центры обнаруживают с конца XI в. решительное стремление к политической самостоятельности и культурному отъединению. «Каждая из обособившихся земель обращается в целую политическую систему, со своей собственной иерархией землевладельцев (князей и бояр), находящихся в сложных взаимных отношениях. Эти разрозненные ячейки, все больше замыкаясь в тесном пространстве своих узких интересов по сравнению с недавним большим размахом международной политической жизни Киевского государства, заметно мельчали. Однако внутренняя жизнь этих политически разрозненных миров текла интенсивно и подготовила базу для образования новых государств в восточной Европе и самого крупного из них — Московского».¹

Это образование отдельных местных и областных культур с их своеобразными, индивидуальными чертами было связано с другой характерной чертой культурного развития XII—XIII вв. — интенсивным влиянием на утонченную культуру верхов русского общества многовековой местной народной культуры, вос-

¹ Акад. Б. Д. Греков. Киевская Русь. Изд. 3, М. — Л., 1939, стр. 277.

ходящей своими корнями к древней культуре скифов и антов, издавна введенной в сферу влияния античности.

Эти местные народные черты могут быть без труда вскрыты еще в первых произведениях каменного зодчества Руси,¹ в ее книжности² и в прикладном искусстве.

С конца же XI в. и на протяжении XII и начала XIII вв. киевская культура испытывает особенно существенное изменение под воздействием местной народной культуры и сама широко распространяется в городских и сельских слоях населения. На почве этого взаимопроникновения создается новая высшая культура Руси XII в., тесно связанная с народом, местными традициями и государством.

Канун татарско-монгольского нашествия был периодом чрезвычайно значительной, но подспудной, внутренней работы, чреватой величайшими последствиями. Мало заметная вначале, эта работа приводит к ощутимым результатам уже со второй половины XII в., когда, в противовес общей децентрализации русской жизни, начинают сказываться и обратные идейные стремления к объединению князей, княжеств, — гораздо раньше, чем аналогичные тенденции возникли на Западе.

1

Личное летописание Мономаха, выдубецкую переработку «Повести временных лет», продолжает его старший сын Мстислав, внук по матери последнего англо-саксонского короля Гаральда. Именно Мстиславу адресовал Мономах свое знаменитое «Поучение» к детям. Мстислав воспринял его, точно следуя отцовским заветам и в своей политической деятельности и в заботах о книжности и летописании. Подобно своему отцу, Мстислав заботился о продолжении летописания и сам был, повидимому, незаурядным писателем.³

Летописание Мстислава имело огромное значение для всего последующего развития летописного дела на Руси. Выполненный по его указанию и при его участии летописный свод (так называемая 3-я редакция «Повести временных лет») лег в начало летописания Новгорода, где одно время княжил Мстислав, затем в начало княжеского летописания Переяславля Южного, где также княжил Мстислав, и наконец — Киева, куда Мстислав перешел княжить после смерти отца. Из Переяславля Южного «Повесть временных лет» в 3-й редакции (редакции

¹ Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв. Сб. «Русская архитектура», 1940.

² История русской литературы, т. I. Изд. Инст. литер. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1941, стр. 212 и сл.

³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 44.

Мстислава) передалась на северо-восток — во Владимирско-Суздальскую землю.

Три отростка когда-то единого ствола общерусского летописания — новгородский, переяславский и киевский — стали наиболее мощными ветвями, которые в первой четверти XII в. дали летописание мономаховичей. Вслед за тем летописание дробится более и более, многочисленными побегам охватывая все наиболее значительные княжества Руси. Князья стремятся обзаводиться личными и семейными летописями. Их имели Ольговичи черниговские (Святослав и его сын Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве»), Мономаховичи переяславские (особенно известен летописец Владимира Глебовича), Ростиславичи смоленские, князья владимирские и ростовские.

Новые формы летописания и исторического повествования, которые с такою интенсивностью развиваются в XII в., выросли из непосредственных потребностей самой русской жизни, из тех явлений, которые имели место на русской почве еще до принятия ею христианской цивилизации Византии. Византийская историческая литература не знала семейных и родовых летописцев. Это — явление чисто русское; оно должно быть поставлено в связь с теми устными родовыми преданиями, существование которых мы предполагаем на основании некоторых фрагментов их в летописи.

Летописание на Руси становится жизненной необходимостью, бытовым явлением. Князья заинтересованы в нем как в политическом документе своих прав и притязаний и решительно озабочены своевременным ведением летописных записей.

Однако не одни князья и монастыри ведут свои летописи. Рядом с личным и родовым летописанием князей начинает развиваться летописание городское. Изгнание в 1136 г. новгородского князя Всеволода, внука Владимира Мономаха, восставшим ремесленным и сельским населением грозит прекращением княжеского летописания мономаховичей в Новгороде. Поэтому новое новгородское правительство с Нифонтом во главе берет летописание в свои руки.

В 1136 г. по приказу Нифонта доместик новгородского Антониева монастыря Кирик составляет работу по хронологии, подобную для ведения летописи характера, — «Учение, им же ведати числа всех лет» — и в том же 1136 г. принимает участие в широко задуманном пересмотре всего предшествующего княжеского летописания Новгорода. Летопись мономаховичей (с «Повестью временных лет») отбрасывается из начала новгородского летописания и заменяется резко антикняжеским Киево-Печерским сводом 1093 г. Составляется тот «Софийский временник», который затем продолжается в Новгороде до самого его присоединения к Москве. «Софийский временник» открывался предисловием, полным горьких упреков князьям в «ненасытстве», в алч-

ности, в притеснении людей вирами и «продажами», налогами и поборами. Упреки эти были как нельзя более своевременны в Новгороде в середине XII в., когда одни за другими отбираются у новгородского князя его доходы, урезаются права, конфискуются земли.

Можно думать, что такие же городские летописи велись и по другим областям: в Полоцке, в Ростове, в Галицко-Волынской области. Дробление летописания на этом не остановилось. Насколько распространенным было ведение летописей в XII в., показывает наличие в течение двух столетий (XII и XIII) интенсивного летописания при незначительной новгородской церкви Якова в Неревском конце, воздвигнутой на месте победы новгородцев над полоцким князем Всеславом, происшедшей в день Якова, «брата Господня». Первый летописец этой церкви — Герман Воята — ведет свою летопись в 40-х—80-х годах XII в. почти, как личный дневник. Часто он делает свои записи от первого лица; во многих из них он проявляет интересы городского обывателя, сообщая городские слухи (Новгородская летопись по Синодальному списку, 1138), сведения о погоде (1145), об уличных происшествиях, о сене, о дровах, об урожае, о состоянии воды в Волхове (1145), о поломках и починках моста через Волхов (1142, 1143), о раннем громе (1138), о поздно стоящей дождливой погоде (1143), наконец, о собственном поставлении в попы (1144) и т. д.

Летопись Германа Вояты наглядно свидетельствует, насколько развитым и распространенным было в XII в. ведение летописей, насколько сильным и всеобщим было в XII и XIII вв. стремление к историческому осмыслению событий. Летописание, которое в XI в. в основном держалось мощной поддержкой Киевской митрополии или Киево-печерского монастыря, отражало традиции византийской императорской историографии, отныне становится достоянием княжеских семей, городских церквей, превращается в повседневное бытовое явление.

В XII в. широкой струей вливается в язык летописи и исторического повествования дипломатическая, деловая, военная терминология и бытовое просторечие. В новгородскую летопись проникают местные диалектизмы, разговорные обороты с пропуском сказуемого или подлежащего, в ней почти отсутствуют книжные, церковно-славянские обороты речи. Записи Германа Вояты в составленной им летописи ведутся запросто, с употреблением чисто просторечных выражений: «бысть гром велий, яко слышахом чисто в истьбе сидяще» (Новгородская летопись по Синодальному списку, 1138), «стояста 2 недели пълне, яко искря жгуце, тепле вельми, переже жатвы; потом найде дъжгъ, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша; а вода бы больши третьего лета на ту осень; а на зиму не бысть снега велика, ни ясна дни, и до марта»

(1145). Летописец сообщает, как посадника Якуна сбросили с Волховского моста, «обнаживъше, яко мати родила» (1141), в просторечной манере говорит о граде, выпавшем величиной «яблѣков боле» (1157) и т. д. и т. п.

Грандиозное по исполнению отдельных сводов в XI в., летописание в XII в. становится не менее грандиозным по широте своего распространения, по многочисленности отдельных сводов, по глубине проникновения в народную жизнь.

Однако потребность в историческом осмыслении происходящего не ограничивается в XII в. только составлением многочисленных летописцев и летописных сводов. Те же потребности вызывают появление в XII в. обширной и разнообразной литературы повестей о междукняжеских отношениях. В повестях этих рассказывается о наиболее важных моментах княжеских распрей, нарушениях крестных целований, братоубийственных войнах, ослеплениях, политических убийствах и т. д. Авторы этих повестей ставили себе целью доказать правоту одних и виновность других.

Знаменательно то, что при том же Владимире Мономахе, со времени которого начинает развиваться родовое и личное летописание князей, составляется и первая повесть этого типа, повесть попа Василия об ослеплении Василька Тербовльского. Затем следует многочисленный ряд повестей с аналогичным содержанием: повести об убийении Игоря Ольговича, послужившем поводом для распри Святослава Ольговича черниговского и Изяслава Мстиславича киевского, повесть киевлянина Кузмища об убийении Андрея Боголюбского, повесть боярина Петра Бориславича о клятвонарушениях и смерти Владимира галицкого и ряд других.

Повести эти пространные, изящно написанные, насыщенные бытовыми подробностями, дышащие азартом междукняжеской борьбы своего времени, составлялись обычно непосредственными участниками событий, чаще всего послами (поп Василий, Петр Бориславич, киевлянин Кузмище); они наполнены драматическими подробностями, точно передают содержание переговоров, речи князей и послов, насыщены дипломатической терминологией своего времени. Повестей этих особенно много в летописях Киевской, Галицкой и Волынской, благодаря чему вместивший все эти летописи Ипатьевский список кажется особенно пространным и литературным.

Жанр исторических повестей о междукняжеских отношениях также возник из потребностей русской жизни и получил самобытные черты своего внешнего выражения. Повести эти резко разрушают византийские средневековые литературные каноны, обнаруживая поразительную свежесть восприятия, свидетельствующую о своеобразных реалистических тенденциях в русской литературе XII в.

Поразительна своими реалистическими тенденциями повесть Петра Бориславича — связный литературно-развитой рассказ, имеющий своей целью убедить читателей в правоте киевского князя Изяслава Мстиславича, описать с точки зрения сторонника Изяслава историю борьбы Киевского и Галицкого княжеств. Подробное описание смерти разбитого параличом Владимирка составляет эффектную развязку, доказывающую правоту Изяслава. В повести детально фиксированы речи при переговорах, насмешки «многоглаголивого» Владимирка, возражения Петра, точно отмечено время, в которое совершались те или иные события (к вечеру, до обеда, к ночи, до кур и т. д.), точно сказано, где происходили события (на сених, на переходах, на ступени, во дворе и т. д.), отмечены одежды действующих лиц (клобуки, мятли), описаны переживания самого Петра Бориславича (его обиды, тревоги, недоумения).

Замечательно, что во всех этих повестях о междукняжеских отношениях продолжает жить представление о Русской земле, как о целом. Эта идея живет и в сознании враждующих князей, стремящихся оправдать свои притязания доводами защиты поправленных прав и старых установлений и необходимостью восстановления утраченного единства Русской земли.

Таким образом, исторические жанры — летопись и повести о междукняжеских отношениях — с необычайной интенсивностью распространяются по всей Русской земле. Они становятся явлениями русской жизни, развиваются параллельно распространению книжности вообще.

Несомненно, что обильные культурные всходы XII в. были выражением постепенного углубления процесса феодализации, роста производительных сил страны, а вместе с тем роста народной культуры и потребностей в историческом осмыслении событий.

2

То же проникновение народных, местных начал отчетливо сказывается и в искусстве периода феодальной раздробленности Руси. Чрезвычайное развитие городов, ремесел, появление многочисленных артелей строителей, живописцев приводит к проникновению в высокое искусство Руси местных традиций, вкусов непосредственных исполнителей, вносящих в свои произведения черты народного искусства.

Княжение Владимира Мономаха стоит на переломе двух эпох не только в области литературы, но также и в области зодчества. С одной стороны, княжение Владимира Мономаха завершает собою период монументальных и обширных сооружений, которыми был богат XI в., с другой — оно начинает собою длинный ряд сооружений XII — начала XIII вв., в которых с

нарастающей силой проявляются местные народные вкусы. Как указывает проф. Н. Н. Воронин, при Владимире Мономахе народные формы архитектуры заявляют о себе в строительстве Владимира Мономаха в Вышгороде, где новые строительные приемы оформляют созданный на Руси культ первых русских святых Бориса и Глеба.

При Владимире Мономахе же Новгород создает первых замечательных русских зодчих, построивших в начале XII в. такие грандиозные, поражающие своей монументальностью, лаконичностью форм и прочно найденными пропорциями сооружения, как Николо-Дворищенский собор (1113), собор Антониева монастыря (1116) и Георгиевская церковь в Юрьевом монастыре (1119), — из этих зодчих известен мастер Петр. Асимметричное трехглавое здание Георгиевской церкви Юрьева монастыря с ритмично вытянутыми в высоту мощными стенами является одним из лучших произведений русской архитектуры XII в., далеко отошедшей в Новгороде от византийских прототипов. Из Новгорода уже очень рано начинают выписывать мастеров, в частности для строительства в далеком Киеве стен Выдубицкого монастыря и др. (Коров Яковлевич, посадник Милонег). Особенно заметным это проникновение местных народных начал в искусство Новгорода становится с середины XII в., когда городские организации уличан, концов и сотни начинают играть значительную роль в новгородском государстве. Чрезвычайно существенным для всего новгородского культурного развития представляется то, что улицы и концы выступают с половины XII в. в качестве инициаторов различных культурных предприятий: в 1165 г. «шестициници», т. е. уличане Шестичинской улицы, ставят церковь «святые троицы»;¹ в 1185 г. «лукиници», т. е. жители Лукиной улицы, ставят церковь Петра и Павла на Синичьей горе («Сильници»)² и т. д. Организации уличан принимают активное участие в развитии книжности и в переписывании рукописей. Так, например, Пролог 1390 г. имеет следующую запись: «написаны быша книги сия, глаголемые пролог, ко св. чудотворцома Козьмы и Дамьяну... повелением... всех бояр и всеи улицы Кузмодемьяне».

Создаются и новые формы осуществления общественных предприятий. Начиная с середины XII в. в Новгороде все более или менее крупные предприятия осуществляются «дружинами» — артелями. Эти «дружины» существуют, прежде всего, при дворе новгородского епископа и населяют его «слободы» в окрестностях города и поблизости Детинца (новгородского кремля). Члены этих «дружин» носят название «владычных паробков» или «владычных ребят». «Паробки» и «ребята» переписывают свя-

¹ Новгородская летопись по Синод. сп., изд. 1888 г., стр. 145.

² Там же, стр. 160.

ценные книги, составляют артели строителей и расписывают церкви. Характерно, что замечательный памятник русского искусства XII в. — церковь Нередицы — расписывало не меньше 10 мастеров одновременно.

В связи с этим заметно иные, более «демократические» формы приобретает и живопись и в особенности новгородская архитектура XII в. Новгородское строительство второй половины XII в. вырабатывает новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, укороченного храма, более упрощенного типа и меньших размеров, сравнительно с грандиозными княжескими соборами предшествующей поры. В отличие от церквей княжеской постройки с резким разделением молящихся на привилегированных, «избранных», и остальную массу молящихся, новые церкви не разделяют молящихся на категории. Князья строили церкви с обширными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали богослужение княжеская семья и приближенные. Новые же, возводимые со второй половины XII в. церкви имеют скромные деревянные хоры служебного значения. Сокращение размеров вновь воздвигаемых храмов отнюдь нельзя рассматривать, как упадок зодчества: княжеские постройки предшествующей поры сравнительно редки, церквей же нового типа воздвигается огромное количество. Новгород, который в начале XII в. имеет всего 5—6 каменных храмов, правда грандиозных по размерам, из которых храм Софии остался непревзойденным по величине во всё последующее время, в середине XII в. обрастает многочисленными каменными церквями, организующими его своеобразный архитектурный облик. Еще более самобытными чертами отличаются постройки Пскова (собор Спасо-Мирожского монастыря и др.). Аналогичные процессы в области архитектуры происходят в XII в. в Киеве, Чернигове, Полоцке и др.

В Смоленске в конце XII в. кн. Давид строит церковь Михаила Архангела, отличающуюся резко своеобразными, народными приемами своей архитектуры.

Огромное значение для живописи в XII в. имело вытеснение дорогого стоявшей мозаики широко развившейся фресковой живописью, со сравнительно свободной техникой, более дешевой, резче мозаики способной отразить индивидуальную манеру исполнителей. Стиль тех фресок новгородской Нередицы (1199), которые были выполнены русскими мастерами, свидетельствует о народных вкусах их исполнителей. Таковы в особенности бытовые подробности в композиции Крещения (фигуры сбрасывающего рубашку и пльвущего в Иордане) и изображение Страшного Суда на западной стороне церкви.

Народные начала сказываются и в стиле рисунков на страницах рукописей XII в. Черты быта проникают в псковские и

новгородские рукописи XII в. (изображения гуслиаров, пешехода с корзиной, отдыхающего земледельца и проч.).

Проникновение местных народных начал в искусство XII в. не означало, однако, создания какого-то единого нового народного стиля. Каждая из областей, каждый город имеет свои характерные и неповторимые черты культурного развития, свои местные, областные черты искусства, местные литературные манеры. Такими резко своеобразными чертами обладают искусство и литература Галицко-Волынского, Владимиро-Суздальского, Киевского, Новгородского, Полоцко-Смоленского и других княжеств. Культура второй половины XII и начала XIII вв. дробится между множеством областей и обилием в них противоречивых тенденций. Киев, Владимир, Новгород, Смоленск, Туров, Галич, Владимир-Волынский — каждый из этих городов составляет самостоятельный культурный центр. Рафинированная городская культура предшествующей поры подвергается в них всюду различному воздействию народной стихии.

Широкое проникновение народных, демократических начал в книжность, в архитектуру, в живопись XII — начала XIII вв., так же как и рост вечевых собраний с конца XI в., говорит о том, что широкие массы населения все более осознают свое значение в общей жизни страны. Отсутствие в середине XII в. единого общерусского летописания и таких значительных исторических произведений, как «Повесть временных лет», отнюдь не свидетельствует еще об упадке в XII в. исторического и народного самосознания.

3

Местные, областные тенденции развиваются в XII в. параллельно росту объединительных стремлений русского народа. И центробежные и центростремительные силы, одновременно действуя, одновременно же способствуют развитию культуры русского народа.

В XI в. киевские летописные своды стремились к ясному изображению единого развития Русского государства. «Откуда есть пошла Русская земля», такую задачу ставил себе не только составитель «Повести временных лет», но и предшествующие ему киевские летописцы. Эта идея единства Русского государства оплодотворяла собою литературу, архитектуру, живопись.

Эта идея единства Руси, с такою настойчивостью проведенная во всех киевских сводах XI — начала XII вв., была искусно подкреплена летописцами оригинальной теорией единства княжеского рода. Именно в этих целях составитель летописи внес в нее легенду о призвании родоначальников «рюриковичей», трех братьев-варягов, подчинив этой легенде всё изложение

истории Руси.¹ Именно в этих целях летописец стремился доказать, что междукняжеские войны — братоубийственны, что все русские князья «одного деда внуки». Это летописное доказательство единства Руси, как единства княжеского рода, претерпело жестокое поражение в междукняжеских распрях XII в. Вот почему идея единства Русской земли в этой своей форме почти исчезает из летописей середины XII в.

Однако распри князей не уничтожили в народе стремления к единению. Распалась лишь излюбленная летописная идея о единстве княжеского рода, как о предпосылке и основе единства русской государственности. Именно этой идее был нанесен жестокий удар междоусобной борьбой князей.

Уже к 70-м — 80-м годам XII в. относятся попытки нового подъема в литературе идеи единства Руси, на этот раз на иной, более глубокой основе. Предпосылкой этого нового подъема явилась половецкая опасность, тяжелой тучей нависшая над Русью во второй половине XII в.

С 70-х годов XII в. начинается «рать без перерыва». Натиск половцев разбивается об ответные наступательные походы русских князей. Однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Половецкие войска получают великолепную организацию и хорошее вооружение. В их армии появляются и катапульты, и баллисты, и «греческий» («живой») огонь, огромные передвигавшиеся «на возу высоком» луки-«самострелы», тетиву которых натягивало более 50 человек.

Под влиянием усилившихся в 70-х и 80-х годах XII в. набегов половцев идея необходимости объединения вспыхнула с новой силой. Идея единения находила себе дорогу к реальной политической жизни, несмотря на утрату единства экономических интересов, поддерживавших в XI в. объединительную политику Киева, несмотря на то, что углубление процесса феодализации привело к общей децентрализации когда-то единого Киевского государства.

В 80-х годах XII в. встает мираж объединения перед окончательным распадением Руси на ряд отдельных земель-княжеств, связь которых в единое целое фактически уже не могла осуществиться. На юге Руси состоялось соглашение Ростиславичей и Ольговичей.

Святослав Ольгович, отец героя «Слова о полку Игореве», «получает „старейшинство и Киев“ и 13 лет сидит на Киевском столе в почетной роли слабосильного патриарха».² Совершается и ряд других попыток примирения отдельных враждующих групп. В 1184 г. объединенными усилиями русских кня-

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 40.

² А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. 1938, стр. 239.

зей половцы были разбиты. Захвачены были «военные машины», отбиты пленные, попал в плен сам хан Кобяк и «басурменин», стрелявший «живым» огнем.

Эти объединительные тенденции перед лицом нависшей половецкой опасности не замедлили отразиться в летописи. Именно в 80-х годах XII в. летописание Владимира Залесского привлекает в свой состав известия летописей Переяславля Южного, стремясь расширить рамки своего летописания и превратить его в летописание общерусское.¹ Именно в 70-х—80-х годах новгородское летописание делает попытки выйти из узких пределов только новгородского летописания и использует какую-то киевскую летопись, стремясь охватить и события Южной Руси.² Аналогичным образом внимательный анализ Ипатьевского списка выясняет чрезвычайно значительную попытку создания в 90-х годах XII в. общерусского летописного свода в Чернигове при дворе черниговского князя Игоря Святославича — героя «Слова о полку Игореве».³ В основу этого летописания кладется родовой летописец Святослава Ольговича черниговского и его сына Игоря Святославича. Этот летописец дополняется летописцем черниговского епископа. Поход Игоря Святославича на половцев (1185), в котором участвовали войска Владимира Глебовича переяславского, исконного врага черниговских князей, создает почву для привлечения к летописанию Ольговичей богатого летописания Переяславля Южного, широко охватившего события южнорусской жизни. Известия этого летописания Переяславля Южного и сейчас читаются в составе Ипатьевского списка в сильной черниговской переработке. К черниговскому летописанию привлекается и киевское, также подвергнутое в Чернигове основательной переработке в духе примирения двух враждующих групп — Ольговичей и Мономаховичей. Идейное обоснование необходимости этого примирения составляет замечательную особенность черниговского летописания 80-х—90-х годов. Именно ради этого в Черниговский свод была включена переяславская версия повести об убийстве в Киеве Игоря Ольговича, чья кровь, павшая на киевского князя, мешала примирению двух основных враждующих княжеских группировок: Мономаховичей и черниговских Ольговичей. Эта переяславская повесть об убиении Игоря Ольговича, составленная при дворе переяславского епископа Евфимия, заинтересованного в примирении Изяслава Мстиславича и Святослава Ольговича, стреми-

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 64.

² А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., Л., 1938, стр. 131.

³ Предлагаемая ниже характеристика черниговского летописца несколько расходится с построением истории русского летописания XII в. в работах А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова.

лась изобразить убийство Игоря Ольговича как несчастный случай, как дело рук киевской толпы, совершившей его в разрез с желаниями Изяслава. Как рассказывает повествователь, брат Изяслава — Владимир — собственным телом прикрыл Игоря Ольговича, принимая на себя удары убийц. Сам Изяслав безутешно плачет по Игорю; дружина утешает его и свидетельствует его очевидную непричастность к преступлению.

Таким образом, создание в Чернигове общерусского свода идет под знаком примирения междоусобных войн. Узкое летописание черниговских князей прерывает свой тип родового летописца и пытается вернуться на широкую дорогу общерусского летописания. Но не только в летописании делаются серьезные попытки отражения общерусских интересов: меняется и самый тип исторических повестей. Эти исторические повести, как это мы видели выше, имели с конца XI в. своими сюжетами, главным образом, междукняжеские отношения, раздоры князей между собой. В 80-х годах делается первый значительный опыт создания самостоятельной исторической повести о борьбе русских князей с внешним врагом. Знаменательно, что эта попытка делается одновременно в двух враждебных лагерях и имеет своей общей темой поход (1185) Игоря Святославича новгород-северского. Составившаяся первоначально на юге — в Переяславле Южном, историческая повесть о походе Игоря Святославича сделалась известной во Владимире и в Чернигове. В Чернигове составляется самостоятельная повесть о событиях похода, несчастных для русских; она замечательна опять-таки тою же примирительной тенденцией, которой придерживается и черниговская летопись. Автор этой повести вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений, знаменующий собою необычайно смелый в тех условиях отказ от предшествующей политики черниговских князей. В этом покаянном счете главное место занимает раскаяние Игоря Святославича в разорении переяславского города Глебля, до крайности ожесточившем вражду переяславских и черниговских князей: «помянух аз грехы своя перед господем богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьяньстей, яко же бо аз не пощадох хрестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подьяна безвиннии хрестьяни, отлучаеми отець от роженый своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дщери от материй своих, и подруга от подругы своя, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшею, живнии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи огнем от жизни сея искушение приемши, . . . и та вся сотворив аз, рече Игорь. . .».¹

¹ Ипатьевская летопись под 1185 г.

Здесь же в Чернигове в 1174—1175 гг. создается, посвященное памяти князей, братьев Бориса и Глеба, «Слово о князьях», резко обличавшее братоубийственные междоусобия своего времени.

Таким образом, в последней четверти XII в. с разных сторон, а по преимуществу в черниговском летописании и в черниговской школе книжников делаются попытки примирения княжеских распрей, попытки создания общерусского летописания и нового типа исторической повести о борьбе с внешним врагом. Естественно, однако, что старые жанры не могли в полной мере отвечать новым задачам, которые ставились историческому повествованию в 80-х годах XII в.

В этих условиях становится понятным создание в 80-х годах XII в. такого значительного произведения древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве». Нам понятно теперь, почему именно в конце XII в. с такой силой проявились в русской литературе великая идея родины, чувство родины, народный патриотизм. По-своему грандиозная летописная идея единства Руси, как единства княжеского рода, отмерла, но идея единства Руси, основанная на глубоком чувстве любви к родине, продолжала жить. Идея эта потребовала для своего выражения создания нового жанра поэтической повести, в которой с паразитической силой сказались народные основы патриотизма, опирающегося на живое чувство любви к родине, как к живому существу.

Литература XI—начала XII вв. в произведениях Илариона, Нестора, Мономаха, в летописи и в житиях создала торжественный и героический образ Русской земли—обширной, могущественной и славной в иных странах. Но во второй половине XI в. это чувство гордости за свою родину окрашивается тонами лирической скорби о ее страданиях. Лирический образ родины, ощущение ее как живого и страдающего существа особенно остро проявилось в гениальном произведении XII в.—«Слове о полку Игореве», этом наивысшем выражении ведущих тенденций культурного развития Руси второй половины XII в. «Слово о полку Игореве»—песнь о всей Русской земле в целом. Лирический образ ее воссоздан в «Слове» с изумительной силой чувства.

Небольшое по объему (2875 слов, не многим более 1/4 печатного листа) «Слово» чрезвычайно обширно по своей теме. В зачине к «Слову» автор говорит, что он собирается вести свое повествование «от старого Владимира (Мономаха) до нынешнего Игоря». Излагая историю несчастного похода на половцев князя Игоря, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование, «свивая славы оба полы сего времени»,—постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с настоящим.

Автор вспоминает века Трояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена старого Владимира (Мономаха). В своеобразной переключке, которую устраивает автор русским князьям, участвуют и его современники и их предшественники.

Широкому хронологическому охвату повести соответствует и широта ее территориального охвата. Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), Дон, Черное и Азовское моря, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмутаракань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др., — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не выключает Русскую землю из среды окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а литву, финнов, половцев, ятвягов и деремелу (литовское племя) втягивает непосредственно в ход русской истории.

Подобно Ярославу галицкому, прозванному за свой политический ум Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обозревает происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается одновременностью действия в разных ее частях: «девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева»; «трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле»; «кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве» и т. д.

Таким же, как у него самого, обостренным слухом и зрением, способным прозревать пространство, наделяет автор и своих героев: когда Всеславу в Полоцке позвонят к заутрене рано у святой Софии в колокола, он в Киеве уже звон слышал, а когда князь Олег вступал в золотое стремя в городе Тмутаракане, тот звон слышал давнишний великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир (Мономах) всякое утро уши себе закладывал в Чернигове.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в ней действующих лиц. В обширных пространствах Руси сами герои «Слова» приобретают гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам киевским; галицкий Ярослав подпер горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью и острым ощущением родины, как единого большого и живого существа, отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет пове-

дают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, итти дождю стрелами с Дону великого... Ветер, солнце, грозные тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щекот соловьиный по ночам и галочий крик: утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки — составляют титанический фон, на котором разворачивается действие «Слова». В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа. Понятие родины — Русской земли — объединяет для автора ее историю, «страны» (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности; Див вопит на вершине дерева, велит послушать земле незнаемой — половецкой степи, морю (Сурожу), Волге, Приморью, Посулью, Корсуню и Тмутараканскому болвану на Керченском полуострове; Донец стелет бегущему из плена Игорю постель на зеленом берегу, одевает его теплым туманом, сторожит чайками и дикими утками.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы, принимают участие в судьбе Русской земли даже стены городов, унывающие при поражении русского войска.

По точному определению академика А. С. Орлова, героем «Слова» является не какой-нибудь из князей, а вся «Русская земля, добытая и устроенная трудом великим всего русского народа». ¹ Таким образом, «Слово о полку Игореве» — это поэма о всей Русской земле, образ которой, ее природа и история очерчены автором широкою и свободною рукою.

Новое ощущение родины как грандиозного живого существа, как совокупности всей русской истории, культуры и природы, с такой силой сказавшееся в «Слове», несомненно обязано той народной стихии, которая определила во многом и самую художественную форму «Слова о полку Игореве» — народную и фольклорную. Замечательно, что именно в этом живом чувстве родины находит себе опору «призыв русских князей к единению», ² составляющий основную задачу и основной смысл поэмы.

Этот широкий образ Русской земли пронизывает русскую литературу на всем протяжении ее развития. Теми же широкими приемами, что и в «Слове о полку Игореве», описана в «Слове о погибели Русские земли» XIII в. «светло-светлая и украсно украшена земля Руськая», изобилующая озерами многочисленными, реками и колодцами местнопочитаемыми, го-

¹ Акад. А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Л., 1938, стр. 48.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, М.—Л., 1931, стр. 48.

рами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами монастырскими, домами церковными, грозными князьями, честными боярами и вельможами многими.

Тот же широкий образ «светлой» Руси повторяется в житии Александра Невского, в поздних летописях и историческом повествовании, вплоть до XVII в., приобретая традиционные черты.

В последние годы в работах некоторых реакционных западноевропейских ученых неоднократно повторялось утверждение, что «Слово о полку Игореве» ничем не связано с общей культурой и идейной жизнью Руси XII в., что возникновение его в 80-х годах XII в. случайно и ничем необусловлено. Утверждение это основано на невежественных представлениях о русской идейной жизни XII в. На самом деле «Слово о полку Игореве» создано на богатой почве культуры Руси второй половины XII в. Оно тесно связано с ней и идейно и общим для всей культуры второй половины XII в. обращением к живительным народным началам.

4

Одной из своих тенденций «Слово о полку Игореве» имеет ближайшее отношение к Владимиро-Суздальской Руси.

Идея необходимости единения перед лицом внешней опасности соединена в «Слове» с идеей сильной княжеской власти. Не бессилие русских князей отмечает «Слово», а их силу и могущество. Великий Всеволод суздальский так силен, что мог бы «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломом выльяти». Будь он на юге, «была бы чага по ногате, а кощей по резани».¹ Галицкий Ярослав Осмомысл «высоко» сидит «на своем златокованнем столе, подпер горы угорьскыи своими железными полкы», заступил пути королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю, суды рядя до Дуная. Несчастье русского народа не в том, что Русская земля бессильна и князья в ней слабы. Беда Руси в том, что никто из русских сильных князей не слышит призыва загородить полю ворота своими острыми стрелами. Идея единства Руси неотторжима в «Слове о полку Игореве» от идеи сильной княжеской власти. Именно эта идея необходимости сильной княжеской власти дает реальную весо-мость идее необходимости единения.

Эта идея сильной власти князя была особенно прочна на северо-востоке Руси во Владимиро-Суздальской области. Она

¹ «Кощей» (от тюркского «кошчи») — конюх, обозный, раб, пленник. «Чага» (от арабского asaha) — невольница. «Ногата» и «резань» — древнерусские единицы.

нашла себе отчетливое выражение во всех сторонах культуры этой области. Спокойная и сильная архитектура владимиросуздалских храмов, с их стенами, богато украшенными снаружи импозантными геральдическими изображениями львов, барсов, грифов, кентавров, всадников, святых и т. д., выражает идею силы и могущества их строителей. Та же идея отражена в летописи и литературных произведениях владимиросуздалской Руси. Особенно характерно в этом отношении «Моление Даниила Заточника». Восхваляя князя Ярослава, Даниил заявляет себя сторонником сильной княжеской власти. Многочисленными афоризмами Даниил стремится обосновать необходимость неограниченной власти своего князя, подчеркивая ее «естественный», изначальный характер: «женам глава муж, а мужем князь, а князем Бог»; «орел-птица — царь над всеми птицами, а осетр — над рыбами, а лев — над зверями, а ты, княже, — над переяславцы. Лев рыкнет, кто не утрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится»; «гусли строятся персты, а град наш твоею [князя] державою» и т. д. В заключительной части своего «Моления» Даниил обращается к Богу с просьбой: «силу князю нашему укрепи», и повторяет слова митрополита Илариона, как бы непосредственно вводя нас в обстановку надвигающегося нашествия монголов: «Не дай же, господи, в полон земли нашей языком [народом], не знающим Бога, да не рекут иноплеменницы: где есть Бог их...».

5

Развитие русской культуры в XI — начале XIII вв. представляет собою непрерывный поступательный процесс, процесс, который накануне татаро-монгольского нашествия достиг своего наивысшего уровня: в живописи — новгородские фрески, в архитектуре — владимиросуздалское зодчество, в литературе — летописи и «Слово о полку Игореве». Проникновение в культуру высших классов общества народных начал делает вторую половину XII в. и начало XIII в. особенно значительными в истории русской культуры.

Вопреки реакционным утверждениям некоторых немецких историков искусства о том, что русская культура до татаро-монгольского завоевания находилась на очень низком уровне развития, что росток византийской культуры, пересаженный на русскую почву, не развивался, а хирел, — вопреки этим утверждениям следует признать, что вся история русской культуры до татаро-монгольского завоевания свидетельствует о необычайной творческой силе русского народа, о ее все нарастающем поступательном движении. Только исключительно тяжелым гнетом татаро-монгольского ига может быть объяснена та задержка в культурном развитии Руси, которая наступила с середины

XIII в. — с того самого времени, когда как-раз особенно интенсивным становится культурное развитие Европы, защищенной русской кровью от опустошительного урагана с Востока.

Татаро-монгольское нашествие не «завершило собою естественного процесса постепенного упадка», наоборот, оно внешней силой, искусственно, катастрофически затормозило интенсивное развитие древнерусской культуры. Именно поэтому татаро-монгольское нашествие было воспринято на Руси, как космическая катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное. «Явишася языци [народы], ихже никто же добре ясно не весть, — кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; и зовут я татары, а инии глаголют таурмени, а друзии печенези, инии глаголють ясно се суть, о них же Мефодий Патарский епископ свидетельствует... яко к скончанию времен явится тем, яже загна Гедеон, и попленьять всю землю от Востока до Ефранта и от Тигра до Понетьского [Черного] моря, кроме Ефиопья», — так выразил свои впечатления от первого появления татар на границах Руси автор летописной повести о Калкской битве.

То же впечатление от татаро-монгольского завоевания, как от мировой катастрофы, скорбь и горе от гибели величайших культурных ценностей русского народа отразились в многочисленных литературных и летописных откликах на нашествие Батыея. «Величьество наше смирися, красота наша погыбе, богатство наше онем [т. е. врагам] в корысть бысть, труд наш погани наследоваша, земля наша иноплеменным в достояние бысть», — писал знаменитый русский проповедник середины XIII в. Серапион Владимирский. Недаром Серапиону Владимирскому приходили на память образы землетрясения; он говорит о том, что земля не терпит грехи людей. Бог, как дерево, трясет землю, и опадают листья.

Катастрофические события второй четверти XIII в. действительно могут быть уподоблены землетрясению: многие города были разрушены до основания, лучшие произведения русского зодчества лежали в развалинах, земля была покрыта пеплом сожженных деревень. Однако дух русского народа не был уничтожен. Свообразные «геологические» сбросы повели к обнажению в русской жизни многих задатков будущего, таившихся в глубине и вскрытых катастрофой под внешними наслоениями. В ослепительной чистоте заблестели идеи единства Руси, беззаветная любовь к родине, чувство родины, как реального, живого существа. «Слово о погибели Русския земли», светская повесть о мужестве Александра Невского, повести о рязанском разорении с остатками былины о Евпатии Коловрате, летописные повести о взятии Владимира, Киева и др. полны образами и идеями, предвещающими будущую идейную направлен-

ность литературы великой собирательницы Русской земли — Москвы. Самый тип великого русского князя этой поры — Александра Ярославича Невского, его военная и дипломатическая деятельность представляют собой как бы прототип будущих московских великих князей, властных и могущественных, сочетающих в себе таланты дипломатов и военачальников с глубоким знанием интересов русского народа в целом.

Однако то, чего не смогла сделать татарская сабля в первый натиск на Русь Батыею, сделали долгие годы «томления» и «муки» татаро-монгольского ига; книжность угасала, зодчество почти оборвалось. Тем не менее в эти годы под навалившейся тяжестью иноземного ига продолжала теплиться жизнь. Русский народ сохранял интерес к своему прошлому, летописание продолжалось по городам.

Русская культура, достигшая своего весеннего цветения накануне татаро-монгольского ига, придавленная копытами татарской конницы, сохраняла силы для будущего развития.

Народные начала, вошедшие в нее накануне татаро-монгольского ига, заложили прочные основы для последующего образования национальных культур трех великих братских народов: русского, украинского и белорусского.

